ТЕТРАДЬ

для Алыпова
Светлана Алексеевна

учени _____ класса _____

_____ школы _____

Пермский край, шк. 22, 11 класс
Рег. № 3016

51822

Анализ прозаического текста. 5 76

„Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!" — так восклицал Игорь Северянин. Действительно, есть ли что-то прочнее четырёх этих столпов, на которых и держится вся русская литература? Ух сколько сказано о Пушкине: „Солнце русской поэзии", „Наше всё"... Ух сколько всего написано (Вспомним хотя бы многотомные исследования Ю. Лотмана или небольшое эссе М. Цветаевой „Мой Пушкин")... А всё говорят, всё пишут, исследуют... Удивительно, как талант одного человека, подобно волшебному источнику Иппокрена, может стать неисчерпаемым источником вдохновения для последующих поколений...

Так и писали Ипполиту Кратиановский, и герои ~~его~~ его — Долев, Градиловский, Самосейский — увлечены изучением творчества Пушкина. Но так ли искренни увлечены они?

О Кратиановском мы читаем: „Занимался литературоведением внештатно" — исчерпывающая характеристика. ~~Кратиановский~~ Перейдём же от автора к системе персонажей. С первого же предложения рассказа знакомимся мы с Долевым. О нём узнаём только то, что он директор Пушкинского кабинета и что в этот день он

51822

чувствовал себе уставшим. Что ж, емкую и лаконичную характеристику дает нам автор. Но тут не ~~авторские~~ слова нашего автора повествования мы слышим самого Далева, который и представляет нам своих сегодняшних гостей, щедро награждая их собственными комментариями, исходя из которых нам, читателям, сразу становится ясно, кто есть кто: профессор Трощановский назван „маститым пушкиноведом", а поэт Самосейский охарактеризован не иначе как „ах, ах его, ах да..." Так зачем же явились они к директору Пушкинского кабинета? Маститый Трощановский — действительно профессионал, „во всем ему хочется дойти до самой сути": выведать где, в какое время и при каких обстоятельствах вышли те или иные пушкинские строки. Разве не в этом состоит суть литературоведения? Наталья профессор, но ведь „стихи не пишутся — слагаются", как сказал когда-то А. Вознесенский, вот и Пушкин не ответит вам на столь дотошные расспросы: „А вот какого числа, запалентовал. Трево". Неужели же это важно? Ведь не мелочи жизни — это проза, а Пушкин — поэт. Таким образом,

? ф а ирония?

? ф

используя образ увлечённого Грозняковского, автор
иронизирует над манерой многих литературоведов
чересчур подробно анализировать произведения классиков.

Самоссейский — поэт. Но поэт он, не усвоивший
настоятельное строк: „Цель творчества — самосовершенствование,
а не <...> успех" — оттого и сокрушающийся несчастный
по поводу того, что его стихи не были напечатаны.

Сам же Долев, заведующий музеем Пушкина,
очень трепетно и любовно относится к архивам великого
поэта, мы могли наблюдать это, читая сцену,
описывающую подробное изучение директором папок с
рисунками поэта: „Часы за стеной пробили семь, потом
восемь, а Долев всё ещё сидел над листами своих любимых
папок." Но в то же время Долев, восхищающийся гением Пушкина,
с трудом может составить статью о его поэме
„Медный всадник", в коей бросаются очевидные речевые
„ляпы" директора: „имения, толкавшие руку Пушкина",
„нельзя забывать, как это все обычно делают, о возможно-
сти..." Да и область исследования довольно специфична,
не удивительно, что о ней все обычно забывают. Может
быть, это оттого, что все эти „мифологические и
геральдические" воздействия, „подземные" в том ключе, в котором
желает их преподать Долев, так же, как и попытки

Трудновато узнать точное время написания стихов, не ведомы для изучения творчества поэта?

Обратимся всё же к названию рассказа — „Рисунок пером". Директор музея, ещё недавно так яростно рассуждавший о волнующих связях между литературными образами Георгия Гавронца и „Медными всадниками" Пушкина, заострит собственное внимание на удивительном рисунке поэта — пространство моря без всадника. Заострит внимание, задумывается и...

А здесь, пожалуй, необходимо проанализировать композицию „Рисунка пером": она представляет собой нечто вроде „рассказа в рассказе". Он должен вписаться в канву основного повествования. Прочем вписывается так, что границы между мирами вымышленным и миром реальным стираются, мы уже начинаем подозревать, что рассказ фантастический, как вдруг: „Настойчивый стук в дверь заставил Долева проснуться". И мы вспоминаем о смертельной усталости директора в этот день, о том, что он закрыл глаза для того, чтобы собраться с мыслями.

„Все были страшно тяжелыми, как свинцом давили на грачки", и о том, что принимать участия в действии он не мог, мог только одно: наблюдать".

В подобном необычном приёме „сон-реальность" и удвоили мы в произведении Кунгольцевского сходство с произведениями Э.Т.А. Гофмана, Э.А. По: вспомнили о встрече Мари и Щелкунишки, ну персонажей ~~фантастической~~ сказки Гофмана „Щелкунчик" — во сне ли встретились они, наяву ли? увлечённого литературой,

Так неужели же в спальном сне директора могла появиться обыкновенная лошадь? Вот у коня вырастают крылья, вот взлетает он к небесам... Пегас! Интересно!

Но „седло, приличествующее сим конским, по-простому было бы всадника". Но разве вы не догадываетесь, господин Вальс, какого всадника отыскал конь? Неужели мог он покорить эту гарпию прекрасный Пегас двух шутам — Процеловскому и Самосейкину (имя гоф-поэта ну благородное „Самосейкин" превратилось в пейоративное „Самосейкин" — потому, видимо оно-то и подходит для него идеально)?

Конь, благодаря которому забил волшебный источник на горе Геликон, мог покорить только Музу,

только в поэте мог почувствовать соперника.

А что же „ценители-критики"? Нет, не чувствуют они той неуловимой магии стиха, они прозаически неуклюжи, не способны они созерцать прекрасное, ищут во всём критически-серую ценность. Подобно неопытным энтомологам, они сачком пытаются поймать красавицу-бабочку, но она ускользает от них: „Но от резкого движения воздуха стрелки эти теряли контур и растворялись, как дым, потревоженный дуновением."

4 „Поэт... есть средство существования языка", говорил И.А. Бродский в 1997 году в своей Нобелевской лекции. Нет, не поэт он, Самосейкин, ибо вечное перо не способно написать ни одного слова, не способно оно дать и рисунка на полях оставить...

Критиканский держит интригу до самого конца, только после обращения к поэзии профессора: „Александр Сергеевич", мы узнаём, что человек в гетрах — Пушкин.

Интрига сохраняется и на комедийном уровне, только после слова „проснулся" есть понимание, что фантастическое ирвание

действие было всего лишь сном.

Так и в начале рассказа, автор-герой как будто снова меняется местами: „вместо статьи о рисунках Пушкина получился фантастический рассказ". Не тот ли это фантастический рассказ, что мы только что прочли? Как отнесется „уважаемая редакция" к тому, что вместо литературоведческой статьи в журнале напечатана будет бульварная история? Редакция шлет письмо. „Замерз" — очередной невежда, а просьба написать статью о рисунках Пушкина — только повод заполнить где-то журнальную страницу. Что ж это будет — статья, рассказ ли — не имеет значения.

Если возвращаться к теории Долгова о геральдико-мифологическом значении Георгия Победоносца, поразившего волка и отсекшего человеческие жертвы, то как не сравнить всадника-Пушкина с вымышленным Георгием, поражающим змея. Но почему же в таком случае змей, „высвободившись из-под копыт, успевает ухватить за конец длинного конского хвоста"? Почему он не поражает, а напротив — едет с коня и всадника? Змей символизирует волка, требующего

жертв. Поэта те „требует к священной жертве Аполлон", поэт призван нести жертву, этого требует Муза, требует Лира, требует Поэзия. Поэт „должен быть горяч, как уголь, должен быть остер, как меч", лишь тогда достоин он звания Поэта, мало имеешь имеющую фамилию „Самойлович" на звучное псевдоним „Самойский".

Пушкин! Великолепный Победоносец, Всадник, Борец, Поэт!

K_1	K_2	K_3	K_4	K_5
20	15	7	10	5

57

Автору удалось продемонстрировать понимание текста, адекватное авторскому замыслу, выделить сценично-драматургическую, проанализировать систему персонажей, раскрыть роль композиции, осмыслить концовку. Вместе с тем упущена часть ярких моментов в рассказе, на что следовало обратить внимание.

Эксперт А.А. Краснослободцева
Учитель Н.М. Пашук